

сильное; и незнатное мира и униженное – ничего не значащее – избрал бог, чтобы упразднить значащее». Подумайте только, милые дамы, ведь без божьей благодати не может быть никакого добра в человеке, и вместе с тем нет такого испытания, с которым смертный не мог бы справиться, призвав к себе в помощники бога. Хорошим примером этого может служить посрамление того, кого все считали праведником, и возвышение той, кого называли грешницей и втоптали в грязь. Как оправдываются слова господина нашего: «Ибо всякий возвышающий себя сам унижен будет, а унижающий себя возвысится».³²⁷

– Увы, – воскликнула Уазиль, – скольких же добрых людей одурачил этот приор! Помнится, верили ему чуть ли не больше, чем самому господину богу.

– Меня бы уж он не обманул, – сказала Номерфида. – Мне до того отвратительны все эти монахи, что я не могла бы даже пойти к ним на исповедь. Я знаю, что свет не создавал таких подлых людей, как они; стоит им только попасть в порядочный дом, как они непременно учинят там какую-нибудь пакость и непотребство.

– Но есть среди них и хорошие, – возразила Уазиль, – и не следует судить одинаково обо всех. Должна сказать, что самыми порядочными из них оказываются те, кто чуждается и светского общества и женщин.

– Вы, пожалуй, правы, – сказала Эннасюита, – ведь чем меньше их там встречаешь, тем меньше знаешь и больше уважаешь. А тот, кто все время общается с ними, видит их такими, каковы они на самом деле.

– Ну, хватит о них говорить! – вскричала Номерфида. – Посмотрим лучше, кому сейчас Жебюрон передаст слово.

Чтобы загладить свой проступок – если только можно было счесть проступком разоблачение отвратительного и жестокого монаха, дабы предостеречь людей от других ему подобных и научить их с большей осторожностью относиться к подобным лицемерам, – Жебюрон, питавший большое почтение к госпоже Уазиль, как к женщине строгих правил, способной резко осудить все дурное и вместе с тем всегда готовой превозносить все хорошее, что есть в людях, предоставил ей слово.

– Прошу вас, – сказал он, обращаясь к госпоже Уазиль, – расскажите нам что-нибудь во славу добрых монахов.

– Мы ведь поклялись говорить одну только правду, – ответила Уазиль, – а раз так, то я вряд ли смогу исполнить ваше желание. К тому же ваш рассказ напомнил мне одну очень жалостную историю, и мне теперь придется рассказать ее вам; ибо, во-первых, происходило все это поблизости от тех мест, где я тогда жила, а во-вторых, я не хочу, чтобы лицемерие тех, кто считает себя более праведными, чем все остальные, затуманило вам головы и чтобы вера ваша, отклонившись от истинного пути, стала искать прибежища в ком-то другом, позабыв о том Единственном, кто не нуждался в помощниках, создавая мир и искупая грехи наши, кто всемогущ и один может спасти нашу душу для жизни вечной, а в сей жизни брэнной утешить нас и избавить от всех огорчений. Я знаю, что нередко сам Сатана превращается в Ангела света, и забочусь о том, чтобы, глядя на земной мир, глаза ваши не были ослеплены видимостью благочестия и праведной жизни и не устремились на то, от чего они должны отвращаться; вот почему я решила рассказать вам эту историю.

Новелла двадцать третья

Чрезмерное почтение, которое один дворянин из Перигора титал к ордену францисканцев, послужило причиной того, что его, жену и маленькую сына постигла жестокая смерть.

В Перигоре жил некий дворянин, который с таким благоговением относился к святому Франциску, что ему казалось, что всякий принадлежащий к ордену францисканцев монах должен походить на своего доброго патрона. И чтобы воздать честь этому святому, он у себя дома отвел отдельную комнату и гардеробную, предоставив их в распоряжение странствующих монахов-

---

³²⁷ Слова из Евангелия от Луки (XIV, 11).